

ТЯНИТОЛКАЙ И ПТИЦА ФЕНИКС

Расплавленное золото у горизонта подсвечивало снежное серебро и алмазы. Но этим зимним утром меня не радовало созерцание несметных сокровищ в зимней ювелирной лавке. Потому что ехали мы в невесёлое место. В НИИ онкологии.

Ещё со студенческих времён слово «онкодиспансер» для меня было равнозначно словам «приговор», «безысходность», «смерть»... Собственно, мне-то чего бояться? Моя опухоль на девяносто девять процентов доброкачественная! Боялась я не одного процента неизвестности, а общей атмосферы приговорённости смертников. Самой операции боялась, поскольку слова «операция» и «анафилактический шок» стояли в моём сознании на одной доске.

Хотя... Страх смерти присутствовал, конечно. Я вспоминала Борьку, соратника по латиноамериканским танцам. Его диагноз, озвученный год назад, был фантастически ужасным, как если бы внезапно по телевизору объявили о вторжении марсиан. Только вчера парень работал, танцевал, отмечал Новый год... И вдруг Борькин почти прирученный остеохондроз на глазах превратился в дракона, пожирающего плоть своего хозяина. Комок взбесившихся клеток в левой почке высасывал силы из нашего улыбчивого приятеля, пока не превратил его в восковой ма-

некен с безучастным лицом, упакованный в большую красную коробку с чёрным крестом...

Человек, доставивший меня до института, благополучно укатил и, вероятно, был уже на работе в нашем городе, а я всё ожидала приглашения подняться в женское отделение. Незнакомые женщины из разных регионов страны, так же томящиеся в ожидании, без спросу рассказывали мне свои истории болезни. Как страшные сказки со счастливым концом. Им в это верилось. Вначале я была удивлена этой открытостью. Потом поняла: здесь нечего стесняться, потому что перед лицами Смерти и Надежды все равны. И пациентка, пережившая осознание того, что в ней живёт собственный убийца и потом – моменты победы над ним, считает себя старшей сестрой по отношению к новенькой. В общем, все пациенты здесь – родственники.

Наконец, прозвучала моя фамилия. Я бодро вскочила с диванчика, подхватив сумки с вещами и продуктами. Ко мне подошла пожилая женщина в пёстром фланелевом халате.

– Пойдём, деточка! – ласково позвала она. – Я провожу. Давай сумку, – и мягко, но настойчиво санитарка отняла у меня одну.

– Ну что вы! Я донесу сама, – пыталась сопротивляться я.

– Тебе нельзя, милая, не надо!

Мне хотелось сказать: «Я не та... не по этому поводу...»

Но женщина продолжала, заходя в лифт: «Ты не бойся, деточка! Всё будет хорошо, вот

увидишь! Ты – такая красивая. Просто ступила, видно, не на ту дорожку. Ты подумай, милая, жизнь свою пересмотри, подумай».

Это было так неожиданно трогательно, что у меня навернулись слёзы.

Я кивнула, позволяя помочь: «Спасибо! Всё будет хорошо!»

– А ты верь, деточка, верь! – подбодрила на прощание добрая крёстная.

В отделении пахло кислой капустой и отварным минтаем. Видимо, раздатчицы уже привезли обед в столовую.

– Наташа...

Я, привыкшая к обращению «Наталья Ивановна», не сразу поняла, что обратились ко мне.

– ...ты посиди на диванчике, место в палате ещё не освободилось, – блондинка лет сорока в белом халате с улыбкой указала мне на диван.

– За выписанной бабушкой ещё не приехали, ничего?

И медицинская сестра считала меня своей родственницей. Не иначе. Я согласилась подождать.

На третьем этаже располагались три отделения: гинекология, гастроэнтерология и пульмонология. Прохаживаясь, я обнаружила, что коридоры отделений, вопреки моим ожиданиям, были окрашены не в серые, а в розовые, жёлтые, зелёные цвета пастельных тонов. Окна были составлены из ярких кусочков стекла. Что было изображено, не очень понятно. В нашем отделении на витраже, казалось, был изображён фантастической красоты алый цветок.

– Наталья Ивановна, вы? – услышала я вдруг от устремившейся ко мне женщины. В ней я узнала свою хорошую знакомую, землячку.

– Пойдёмте к нам, – пригласила она.

Познакомив меня с соседкой по палате в гастроэнтерологии, Нина Антоновна рассказала свою историю болезни, равнодушия онкологов на местах и чудесного исцеления в тутошнем НИИ.

– Меня выписали, – радостно сообщила она. – А вы тут с Анечкой дружите, она – хороший человек.

Семидесятилетняя Анечка тут же сообщила, что хоронить себя не позволит, поклялась приглашать к себе в гости и ухаживать за мной после операции.

В палате, в которую меня определили, умирать тоже никто не собирался. Кареглазая сби-

тая женщина, бойко поинтересовавшись местом моего проживания, обрадовалась, что мы – землячки, и тут же начала вычислять общих знакомых. Ей это удалось. Тогда Валентина стала рассказывать забавные истории из жизни этих знакомых, потом из жизни питомцев знакомых, потом истории незнакомых... В общем, было нескучно. И как-то забылись страхи и сомнения.

– А вот ещё интересная история. Сестра моя Иринка, когда с мужем своим, алкашом, развелась, познакомилась с Серёгой. Он на Севере жил, в гости к другу приехал. Высокий, красивый. И неженатый! Влюбился мужик в мою сестру. Она у меня девочка что надо: глазищи огромные, волос – копна, фигурка – ну всё при ней. Встречались по-взрослому, пока Сергей тут гостил. И как-то Иришка, видно, пропустила момент. Мужик на свой Север уехал, а сестра выяснила, что беременная. Ну, тест – две полоски, понятно, в общем. Парень ничего не обещал, потому красавица моя к гинекологу побежала, мини-аборт делать. Сделать-то сделала, а признаки беременности остались: и тошнит, и грудь набухает. Она – к гинекологу. «А точно, – спрашивает, – с беременностью покончено?» Та обиделась: «Своими глазами, мол, видела, что плодное яйцо вылетело! Не первый год работаю, ошибиться не могла». Время проходит, живот у сестрёнки растёт и растёт. И, внимание, девочки! Снится мне сон. Будто прихожу я к своей Ирочке и приношу ей колготки голубые и розовые. А она мне говорит: «Валюш, а голубые-то зачем? У меня же девочка будет!» Я на следующий день сеструху на УЗИ потащила. Вот тогда-то и выяснилось впервые, что у неё матка двурогая! Один зародыш убрали, ну, значит, мальчика, а девочка осталась. Сергей узнал, что Ирина ребёнка ждёт, приехал жениться. Машунька получилась красавица, вся в мать. Вот такая история! Серёга с Иркой живут, между прочим, душа в душу. Машеньке пять лет уже.

Я лежала на кровати и думала: «Чего только в жизни не бывает! Вот развивались бы оба плода в такой двурогой. Каждый рог, как отдельная комнатка, а в комнатке – по малышу, и каждый смотрит в свою сторону. Тянитолкайчик!» Я улыбнулась.

– Да, – задумчиво протянула Валя. – Хорошо, племяшка хоть есть... Детей-то своих у меня уже не будет. Везёт тебе, Алёна, – с грустью обратилась она к бледной худой женщине, – ты Ванюху успела родить...

– Не завидуй! – откликнулась та. – Его ещё вырастить надо! Третий класс, уроки с ним делать нужно, а я тут валяюсь. Вчера опять в трубку плакал, скучает.

– Конечно вырастишь! – уверенно произнесла Валентина. – А я курс облучения закончу, восстановлюсь и ребёночка возьму из дома малытки. Юра не против.

На следующий день у Люды, ещё одной нашей соседки, перестала поступать моча в моче-приёмник. Вывод уролога был неутешительным: нужна повторная операция.

Женщина печально смотрела в тарелку с остывающим гороховым супом, стоящим на прикроватной тумбочке, когда в нашу палату с грохотом ворвались две санитарки с тревожными лицами, толкая перед собой каталку.

– Петрова! – выкрикнула одна из них. – Ты ещё не ела? Срочно на операцию!

Людмила испуганно уронила ложку в суп, лихорадочно сбросила с себя одежду, суетливо достала из тумбочки эластичные бинты, молча сунув их мне, и полезла на каталку. Я без вопросов торопливо намотала бинты ей на ноги. Женщину срочно накрыли простынёй и бегом покатали к лифту.

Закрылась дверь. Я медленно опустила на стул с озадаченным видом: «Это что, была служба доставки?!»

Ситуация была комичной. Сцена из «Приключений итальянцев в России». Первой начала хохотать Валюшка. Мы утирали слёзы от смеха, потом вдруг как по команде остановились.

– Всё будет хорошо, – как заклинание произнесла Алёна.

Назавтра был мой черёд. Несмотря на мощную психологическую поддержку вновь обретенных родственниц, операции я ждала как восхождения на Голгофу. Тоска и обречённость...

С грохотом ворвалась в палату каталка и, приняв на борт моё обнажённое тело, помчалась в операционную.

– Чего дрожишь? – крикнула на бегу вчерашняя мордатенькая санитарка. – Алла Геннадьевна – хороший хирург, оперирует быстро и качественно. Без шума и пыли! – И захотела.

Я молча таращила свои близорукие глаза и завидовала её здоровью и оптимизму.

Въехали. «Перебирайтесь сюда, протяните руку, другую. Анестезия! Начинаем!» Глаза сами закрылись...

И вдруг тревожная мысль: «Как они меня оперировать будут, когда я задыхаюсь?! Приступ, конечно! Не учли! Нужно позвать!»

Где-то рядом слышались голоса. К моему ужасу, ни позвать, ни пошевелиться не удалось. Это был кошмарный сон, когда хочешь закричать, убежать от опасности и вдруг осознаёшь, что ничего не можешь сделать! Твои руки, ноги и язык тебе не принадлежат! Но как же?! Так и умрёшь от удушья на операционном столе лучшей клиники Сибири! Нужно дышать! Я попыталась выкашлять то, что мешало мне вдохнуть.

– Очнулась, – услышала я голос сбоку. – Ле-на, подойди к ней!

И голос надо мной: «Глаза откройте! Не получается? Не пытайтесь вытолкнуть дыхательную трубку! Подождите, скоро мы всё уберём. Ещё рано».

«Господи, всё уже позади, – успокоилась я. – Это просто действие миорелаксантов». И я мысленно стала читать «Отче наш».

Медсестра отправилась помогать хирургу. Операционный день был в разгаре.

Через три часа я занимала своё койко-место в палате.

– А Люда? Ещё не вернули? – забеспокоилась я, обратив внимание на пустующую кровать соседки.

– В реанимации пока, – отозвалась Алёна. – Ты поспи! Спать надо!

Вечером под наши ликующие возгласы Людмилу медленно и торжественно водрузили на прежнее место. В коридоре, приветственно маша мне рукой, маячила Анечка.

– Я ухаживать! Как обещала, – провозгласила она. – Что принести?

– Спасибо, ничего не надо! – весело ответила я. – Мне вставать можно.

Анна разочарованно махнула рукой и повернулась уходить.

– Завтра вечером опять пойдём гулять по этажам! – пообещала я.

Женщина, обернувшись, энергично закивала крупной головой.

– Люд, извини, я вчера на звонки твоих родственников отвечала, телефон слишком настойчиво звонил, – призналась я соседке по палате. – Обещала, что ты перезвонишь.

– Дочки звонили. И муж! От него больше всех пропущенных. Переживает!

72

Женщина что-то ворковала на незнакомом мне языке, узкие глаза светились любовью. Во время разговора она провела рукой по волосам и спрятала ёршик чёрных волос под медицинскую шапочку. Хотела нравиться мужу.

— Люда, извини, ты кто по национальности? — полюбопытствовала я, когда она закончила.

— Бурятка наполювину. И муж — бурят, — тихо ответила моя соседка. — Чуть не потеряла его этим летом. Он в автокатастрофу попал. Думали, не выживет. Без сознания долго лежал в реанимации, черепно-мозговая травма. А потом рассказывает мне: «Людочка, меня же чуть не забрали ТУДА. Я дочек видел. Смотрю сверху: вот Соня сидит в коридоре, вот Алла. Плачут. Вот зять стоит. Не плачет, пачку сигарет в руке мнёт. А курить нельзя. А где же, думаю, наша мама? А мамочки нашей нет, она на работе, как всегда. И тут поднимать меня стали, как на скоростном лифте. Уши закладывает. Вокруг люди в белых одеждах, и лица добрые. А я прошу: «Не забирайте меня, мои хорошие! Я с женой не успел повидаться!» Они и согласились». Он же крещёный, муж-то мой, хоть и бурят. Не мог он это выдумать. Всё так и было! Всё правильно сказал: и где Соня сидела, и Алла, и зять как стоял... Жалко, встретить меня не может, раньше бы встретил. Новый год скоро. Хотела здесь подарочки какие-нибудь купить. Не получается. Хоть бы выписали до праздника...

Пятьсот раз слышала подобные истории по телевизору, читала в прессе. И думала, что вот один дурак, у которого была клиническая смерть, выдумал, как «душа воспаряет и видит всё как бы со стороны», а другие дураки стали за ним повторять, чтобы тоже засветиться. Но, услышав просто рассказанную историю об умирающем муже от соседки по палате, я поверила. Поняла: так бывает!

На следующий день к нам поступила фигуристая блондинка с длинными волнистыми волосами. Вещи она раскладывала, разговаривая по телефону. По окончании разговора «служба скорой доставки» умчала красавицу. Мы даже не успели познакомиться. На кровати сиротливо остался лежать шёлковый халат цвета морской волны...

После ужина я решила лучше рассмотреть картину-витраж в женском отделении. И обнаружила поразительную вещь! Здесь была художественно изображена полость малого таза и в ней

женские органы! На первый взгляд матка была схожа с цветком... Но нет, это была птица, волшебная птица дивной красоты! Вот она распахнула свои красивые крылья, готовая к полёту любви. Над ней лепестками — зарево, а выше только лазурное небо... Так это же птица феникс, которая возрождается из пепла! Я была поражена фантазии художника и обрадована своей догадливостью.

Возникла идея рассмотреть ещё витражи на нашем этаже. В гастроэнтерологии зелёными стёклышками затейливым узором были выложены пищевод и желудок. Вместе они были ящеркой с изумрудными глазами и короной на голове. Хозяйкой Медной горы, наверное. В пульмонологии я поняла, что берёзки на картине — это лёгкие. Бронхи множественно ветвились и оканчивались альвеолами в виде зелёных листочков. Вокруг деревьев ярко-синим и алым цвёл луг...

Соседки по палате были вежливо равнодушны к моим открытиям.

«Наверное, здесь лечился художник, — думала я. — Картины — знак благодарности. Лучшего подарка не придумаешь!»

73

В пятницу выписывали Валентину. С утра она густо нарисовала ресницы и навела румянец.

В палату энергично вошла миловидная молодая женщина с высоко поднятой стриженной головой.

— Вальюшка, сестрёнка! — бросилась она к нашей соседке по палате. — Как я рада! Так и думала, что тебя встречу! Будем лечиться?

— Да я полечилась, Кать, ты на моё место ложисься, — ответила названная сестра.

— Жаль! — слегка расстроилась женщина.

— Тоже наша? — поинтересовалась я у Вали.

— Почти. Из соседнего города.

— А вы почему сюда? — обратилась я к Кате.

Женщина, как и все здесь, без утайки поведала свою историю.

— Знаешь, Наташ, диагноз мне поставили у нас на медосмотре, я в колонии работаю. Мне сказали: «Опухоль незапущенная, прооперируют, полечат, всё нормально будет». Я спокойная в областной диспансер ехала. А там онколог, гнида, после осмотра говорит: «Вот так, голубушка, рак шейки матки второй стадии. На пяти тысячах сойдёмся». Сидит такой толстый, морда чуть не трескается, жаба жабой. Я ему: «За что?! Помощь онкобольным у нас бесплатная!» А он:

«Ну, ты же понимаешь, прооперировать – полбеды. Я же тебе могу современную химиотерапию назначить, а могу такую, что голова, как колеранка, будет». – «Гад ты, – говорю я жабёнышу. – В больнице вашей ни дня не останусь!» А эта пародия на врача с ухмылкой отвечает: «Ну беги, беги! Что, уже место на кладбище забронировала?» – «Я?! – отвечаю ему со смехом. – Да я ещё тебя, гнида, переживу! И на могиле твоей цыганочку спляшу!» Сбежала вниз на стрессе, а в машине мужу на грудь упала и разрыдалась, Катинь глаза застелила пелена слёз.

Дома на семейном совете муж с дочкой и зятем решили меня сюда отправить. Деньги, мол, найдём, если надо! А мне всё равно. «Всё одно, – думаю, – умирать». Ночью лежу, не сплю, думаю: «Если и в этой больнице скажут место на кладбище готовить, жить не стану. Зачем волынку тянуть?! Обременять близких, мучить?» На кухню прокралась, взяла нож самый острый и в сумку на самое дно положила. Думаю: «Полосну, в крайнем случае, себя по шее, и спасти не успеют!» Видела, как зеки это делают. В НИИ меня очень хорошо приняли. По полису. Денег никто не требовал. Пришла ко мне в палату девочка стройненькая, совсем молодюсенькая, думаю, только вот институт, наверное, окончила. Эльвира Эдуардовна зовут. Что-то говорит мне об операции, я и не слушаю её, про нож в сумке думаю. А девочка мне говорит: «Зайдите, Екатерина Николаевна, ко мне в ординаторскую!» И уже у себя в кабинете продолжила. «Мне, – говорит, – не нравится ваше настроение. По глазам вижу, заетаете что-то недоброе. Не отвечайте, меня послушайте! Рак – это не приговор. Бывали случаи, когда и с раком третьей стадии люди выкарабкивались. А у вас-то вторая! Поверьте мне, я здесь семь лет работаю, уже всякого навидалась. Думаете, вы облегчите жизнь родным, если уйдёте?! Ничего подобного! Вы их жестоко раните, они до самого конца себя корить будут, что не сделали для вас всё, что могли. Ваша семья любит вас и ждёт возвращения! Так что выбрасываем чёрные мысли из головы и готовимся к операции!» Вот вроде бы простые слова. Может, даже всем так говорят. А я вернулась в палату и думаю: «Ну как она, эта девочка, поняла всё, почувствовала?! И так сказала хорошо... Да что же это я?!» А сама реву, реву, остановиться не могу... И потом так легко мне стало на душе, как будто гнойник прорвался, и сердце болеть перестало!

Слеза медленно катилась по моей правой щеке.

– Это катарсис называется, – прошептала я.

– Катарсис... Слово странное, – раздумчиво сказала Катя и продолжила свой рассказ.

– Прооперировали меня, капельницы поставили. Волосы полезли, конечно. А были длинные, густые. Пришлось постричься. Ну, это ничего. Главное, надежду мне дали. Зять из больницы меня домой привёз. Муж выбежал, в глаза заглядывает, как верный пёс. Только хвостом не виляет. Мне и жалко его, и смешно. «Ну что ты, – говорю, – Колясик, переполошился? Даже если умру, один ты не останешься. Сразу очередь выстроится на красавчика такого! Я ж тебя всю жизнь холила и лелеяла!» Коля вдруг отвернулся и на крыльцо стал подниматься, а сам ладошкой глаза вытирает. Вечером баню истопил. А меня разбирает, париться-то нельзя! Как я раньше любила парку поддать, нахлестаться веничком до изнеможения, а потом во дворе себя ведром ледяной воды окатить! Ну всё теперь, вышли сроки! Помылась просто. Лежим с мужем после бани, он обнял меня и говорит: «Кать, ну как ты могла сказать такое про других баб?» «Ой, Коленька, – говорю, – да знаю я о твоих походах налево! Ты-то у меня ещё ого-го, а я не могу с тобой теперь. Нескоро ещё можно будет». – «Да не нужен мне никто, – отвечает, – ты только живи, Кать, живи, а?» И носом хлюпает. Ох, как я Кольку моего целовала! Поняла, как сильно я его люблю и никому отдавать не хочу.

Катя вытерла опять набежавшую влагу. Алёнка лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Валя смотрела в потолок, широко открыв глаза, и прикладывала поочередно к уголку каждого глаза кончик платочка. Боролась за красоту, приготовленную для мужа.

– Вот такая история! – закончила Катя. – Объяснила я тебе, почему сюда теперь хоть на карачках поползу? Потому что ЛЮДИ здесь работают!

– Мужа-то больше не пугаешь, что умрёшь? – высморкавшись, спросила я.

– Пугаю иногда, – засмеялась новая знакомая. – В тонусе держу!

– Кать, я тоже хочу историю тебе рассказать, – обратилась я к женщине. – Не о себе.

– А сама? У тебя что?

– Да всё хорошо, – откликнулась я, – доброкачественная.

– Точно? – не поверила Катя.

– Точно. Уже гистология готова, – успокоила я и продолжила: – В общем, не о себе. Учительница одна у нас в соседнем доме жила, Евгения Петровна Тулина. Географию преподавала. Она у сына репетитором была. Сильный педагог. А вообще работала в школе номер 12, в интернате. Ну ты знаешь, Валь!

– Почему жила? – с замиранием в голосе спросила Валя.

– Потому что умерла. От онкологии. Женьке когда диагноз поставили, уже поздно было оперировать. Страшно и как-то нелепо было узнать это о молодой жизнерадостной женщине. Знаете, она хохотушка такая! Сорок пять ей было на тот момент.

Евгения Петровна ведь всю жизнь, получает-ся, чужим детям посвятила. Своей семьи не было. Дети любили её просто как родную. И сын мой тоже. Да её невозможно было не полюбить! Часами по телефону могла говорить, какой у меня Денис – замечательный, как он подружился с её не менее замечательными ребятами. У неё все хорошие были. Интернатовские, из класса Евгении Петровны, чуть не жили у неё. Приходили к Евгеше (они её так звали) картошку жарить и чай пить. За чаем, естественно, разговоры за жизнь.

Дэн мой говорит как-то после чаепития: «Мам, Евгения Петровна, такая добрая, весёлая. Ну как она ни с одним мужем не ужилась? Может, попадались одни гады гадские?!» Я удивилась: «С какими мужьями?» – «Ну с такими! – отвечает. – Девчонки у Евгеша спросили, был ли у неё муж. А она ответила, что у неё было семь мужей. И все военные. И со всеми в разводе». Я, конечно, подноготную Тулиной не знаю. Они с папой в Сибирь с Кубани переехали. Года тридцать три, наверное, ей было. Знаю, что отец у неё был военным. Поэтому я плечами пожала. А потом думаю: «Наврала конечно». Не было у ней ни одного. Семь! Белоснежка, блин! Почему не было? Не знаю. Может, дело было в её фигуре? Уж очень крупной женщиной она была. Наверное, не нашёлся богатырь под стать. А, может, мужчин отпугивало неумение свить уютное гнёздышко... Знаете, девчонки, нехорошо о покойниках, но дома у неё был вечный бардак. Обои старые, замызганные, кое-где висящие, как уши спаниеля. Ванна и унитаз – времён царя Гороха, все в трещинах. И даже зеркало в ванной мутное. В общем, ремонт от производителя! А мебель – отцом ещё купленная в советские

времена. Я уже не говорю о вечно раскиданных по всей квартире бумагах. Учебные планы, сочинения свои, детей, положения о конкурсах, олимпиадах... Девчонки у Евгеша порой прибились, хотелось порядок навести. Евгения Петровна не возражала, но сразу возвещала: «Документы не трогать! А то ничего не найду!»

А цифра семь стала роковой в её жизни. Семь лет прожила наша географичка после приговора врачей. А онкологи-то ей всего год давали. От химии она отказалась. Молилась и пила по каплям настойки мухомора, болиголова. Дениска рассказывал, что подруги к Жене как-то зашли при нём. Та заглянула в холодильник и говорит: «Дорогие мои, чаем вас напоить хотела. А к чаю ничего нет. Только яды. Будете?» И хохочет...

Евгения Петровна удивлялась, сколько талантливой детей в детском доме нашла. Как пронзительно они писали о семье! Семье, в которую не вернутся. А Евгеша писала о своих ребяташках, которые скучают по маме. А мама-то у кого умерла, а у кого просто пила беспробудно. К слову, истории Тулиной о сиротах печатали в журнале «Семья и школа». Евгения Петровна детей в городскую литературную студию возила. Стихи публиковали. В городских изданиях и областных. Некоторые ребята побеждали в литературных конкурсах. Одну девочку даже в Москву приглашали.

Ну Тулина-то географичкой же была. Она свой класс то в походы водила, то по стране возила. И по области, и на Байкал, и в Питер, и в столицу. Деньги тратила в основном свои. И папины сбережения. Ну, понятно – неоткуда было в квартире появиться свежему ремонту и новой мебели. Иногда, правда, руководство интерната шло навстречу. Частично компенсировали расходы.

Бывало, спонсоры находились. Например, Дашевская Людмила Александровна. Ну слышали, наверное? Писательница и сценарист. По-знакомились они с Евгенией случайно возле храма Христа Спасителя. Женя как раз возила детей в Москву, мой Денис с ними тогда ездил. Дашевская к детям обратилась: «Ребята, вы из Сибири?» Те – радостным хором: «Да! Из Кузбасса!» И Людмила Александровна: «Я сразу поняла. Только у сибиряков такие чистые одухотворённые лица!» Что она там усмотрела на лицах этой орущей от восторга шкодной ребятни?! Какую такую одухотворённость?! А когда от Ев-

75

гении Петровны узнала, что в группе в основном дети, оставшиеся без попечения родителей, пригласила к себе в гости. Накормила чем Бог послал. Дома у неё, Дениска сказала, свинарник хлеще, чем у Евгеша. У Дашевской пять кошек жило. Так что кроме бардака ещё и вонь приличная стояла. Но дети были рады, что побывали в гостях у настоящей писательницы, москвички. Читали Дашевской свои стихи. Она плакала. А потом вытащила откуда-то с антресолей пачку денег, завернутую в газетку, и отдала Евгении Петровне. Такая же сумасшедшая, как Евгеша...

Но ведь лучше быть помешанной на чистоте душевной, чем чистоте физической?! Правда?..

Евгения Петровна грант как-то выиграла. Поездку географического кружка в Финляндию и Швецию. Она уже была больна. Руководителю туристической группы (Евгеше то есть) перед поездкой нужно было медосмотр пройти. А она – инвалид. Уже метастазы были. Кто бы ей чего подписал? Так учительница наша справку просто подделала. Конечно, везла детей не одна. Анну Ивановну, учительницу литературы, взяла в качестве помощницы. Набрала с собой обезболивающих. Уколы делать тайком в туалет бегала. Когда уж совсем не вмоготу было. И ни разу, понимаете, ни разу никто ни слезинки на лице её не увидел! Никто даже не понял, насколько ей больно! Дети ни о чём не догадывались. Счастливые домой вернулись. Море впечатлений! И стихов...

Класс Евгешин выпустился примерно за год до её смерти. Окончание девятилетки. Она, конечно, не работала уже. Но это всё равно. Ребята и учителя пригласили. Дениску моего, ну и меня заодно, позвали на торжественную часть. Классные руководители выпускников общий номер готовили. Пели детям что-то переделанное из модного: «Они вернуться, она вернётся, они пять лет нам заменяли солнце!». Евгеша всё закатывала свои синие глаза под потолок. Двигалась хорошо. Я на следующий день позвонила Жене. «Вы, – говорю, – Евгения Петровна, самая артистичная! Мы с Денисом только на вас и любовались!» Она отвечает: «Слава Богу, сдержалась. Когда пела, думала: «Только на моих не смотреть!» Если бы их мордашки увидела, сразу бы разревелась!» Вот...

Я тут недавно рассказ Брэдбери прочитала. «Калейдоскоп». Не читали? – обратилась я к собеседницам.

Катерина с Валей помотали головами.

– Сюжет такой. Космический корабль развалился. Главный герой, космонавт, понимает, что сейчас погибнет, сторит в атмосфере и жалеет, что не успел сделать что-то хорошее в конце жизни. Его видит мальчик с Земли. Как падающую звезду. И загадывает желание... Понимаете?

Так вот и Женька торопилась сделать что-то хорошее. Может, хотела стать для кого-то такой звездой, чтобы исполнить желание? Или обогреть обделённых судьбой? Незадолго до смерти она выпускницу свою прежних лет, сироту, к себе жить пустила. Надьку, беременную, парень бросил. Так Евгения Петровна ей на работу устроиться помогла. А потом квартиру ей свою завещала...

Вот так, Катюш! Человек за всю жизнь семьёй не обзавёлся... Тебе повезло, что у тебя муж. И любит тебя! А ты нервы ему мотаешь... Кать, поживёшь ещё! Вторая стадия – не третья и не четвертая. Ну правда!.. Извини...

Катерина смотрела вниз, на одеяло, расстеленное на её кровати. Казалось, с неё слетел налёт бравады.

После минутного молчания послышался её тихий голос:

– Да. Я подумаю об этом... Брэдбери, говоришь? Нужно почитать. Мало читаю.

В палату вошла Людмила.

– Здрасьте! – поприветствовала она новенькую и, обведя взглядом товаров, обеспокоенно спросила: – А вы чего все с красными носами? Случилось что?

– Ой, да это мы с Натальей, наверное, всех на сырость развели! – засмеялась Катя. – Валь, я же на химию легла. После капельниц волосы опять полезут. Так Новый год же скоро! Хочется выглядеть. Ты парик уже себе купила? Когда в магазин едешь? Сегодня? Здесь? Отлично! Во сколько Юрец приедет? Может, до его приезда меня успеют прокапать? Завезёте меня потом к Зине? Помнишь её? Рыженькая такая. Не хочу в больнице ночевать! Мы с ней поболтаем, погуляем. На улице тает всё! Как весной!

Просто Скарлетт О`Хара. «Я не буду думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра!»

После ужина в книжном шкафу в столовой я наткнулась на «Великого Гэтсби». Эту книгу мне рекомендовала почитать коллега, когда мы обсуждали роман того же Фицджеральда «Ночь нежна».

Соседки по палате тихо сопели, когда я наконец оторвалась от чтения и выключила светиль-

ник. Тоненькие пальчики капоки несмело забарабили по клавиатуре подоконника. «Декабрь сошёл с ума и думает, что он – март», – определила я. «Ваааауу!» – утробным голосом восхищался кем-то в больничном дворе тоже сошедший с ума мартовский кот. «Завтра пойду гулять», – засыпая, решила я.

Утром после процедур я отправилась на прогулку. Выйдя на крыльцо больницы, я вдохнула полной грудью. В моё тело ворвался влажный одуряющий весенний воздух. «Ваааауу!» – захотелось, уподобляясь вчерашнему ночному певцу, взвыть от радости. Плакали от счастья сосульки, под ногами плескались лужи кусочками лазурного неба. Множественные магазинчики манили витринами с выставленными в них сюрпризами и сюрпризиками. Цвет витрин был преимущественно нарядно-красный. Кафешки завлекали ароматами кофе и свежей выпечки. Бакалея звала попробовать свежих колбас и фруктов. И я, поддавшись искушениям, с удовольствием заходила, рассматривала, примеряла, пробовала, что-то покупала в надежде удивить или хотя бы порадовать близких. Новый год на носу! А где-то в сказочном лесу по поляне катилось кольцо Двенадцати месяцев, брошенное взбалмошной юной королевой, и скоро должны были расцвести подснежники...

Ближе к обеду я вернулась в душную палату. Окна открывать не разрешала Алёна. У неё была температура и слабость. От предложений выйти в коридор или закутаться в одеяла на время проветривания женщина категорически отказывалась.

Вечером её навестили мать с сыном. Белокурый мальчик радостно вбежал в палату и обнял вставшую с постели Алёну. Ваня, большой и упитанный, странно смотрелся рядом со своей измождённой мамой. Они больше походили на резвого братца Иванушку и несчастную сестрицу Алёнушку, которую злая ведьма заманила в омут. («Ах, братец Иванушка! Тяжёл камень на дно тянет, шёлковая трава ноги спутала, желты пески на груди легли»). Сын держал маму за руку, прислонившись большой головой к её плечу, пока она другой рукой вяло хлебала домашний куриный бульон. Ванина бабушка что-то оживлённо рассказывала дочери. В глазах её читалась тревога.

– Мне нужно выйти, – произнесла Алёна, с явным облегчением освобождаясь из-под тяжести сыновней любви.

– Мама, куда?! – встрепенулся мальчик. – Я с тобой!

– Ванюша, нехорошо! – попыталась усовершенствовать внука бабушка Вера. – Мама сейчас вернётся. Что ты как маленький!

– Мама, мамочка, не уходи! – заплакал Иванушка. («Выплывь, выплывь, Алёнушка!»)

– Да я в туалет! – с досадой ответила мать.

– Сын в отца, наверное, такой крупный? – спросила я Алёну, когда ушли посетители.

– В меня! – недовольно ответила женщина. – Я тоже была кровь с молоком, пока сюда не попала.

– Так привязан к тебе! – продолжила я.

– Одна ращу его. Это он сейчас вынужденно живёт с моей мамой. Раньше мы никогда не разлучались.

– А муж? – осторожно спросила я.

– Обьелся груш! – резко ответила соседка по палате.

– Извини!

– Ничего, – смягчилась Алёна. – Свекрови такая сноха не нужна была. Рылом не вышла. Не их круга. А мы ведь с Андреем в одной группе учились, я ж не какая-то пэтэушница. Экономический окончила, в банке работаю, не бедствуем. Всё равно свекровь нищebroдами нас называет. Сами-то – бизнесмены! По столицам да заграницам катаются. Не то что моя мама, учительница!

– А отец Ивана что?

– Женился. Материально помогает.

– Ну, может, тебе тоже другого нужно найти? – продолжала я.

– Зачем? – парировала собеседница. – Кому мой ребёнок нужен? Да ещё неизвестно, на кого нарвёшься. Попадётся какой-нибудь аферист, будет деньги тянуть!

«Проживание со свекровью не прошло даром», – с раздражением подумала я и уткнулась в книгу.

На следующий день, выйдя на улицу, я догадалась, что до подснежников дело не дойдёт. Какие-то технические неполадки не позволили волшебному кольцу завершить полный оборот по лесной поляне. Капель вновь затаилась в сосульках. Кусочки неба вмёрзли в асфальт. Слегка вьюжило. Но горожане радостно обсуждали то, что, к счастью, не успели растаять ледовые фигуры на Центральной площади и всю зиму можно будет любоваться слегка потерявшими форму шедеврами.

Я прошлась до Центральной площади и вместе с другими праздными горожанами стала изучать творчество скульпторов. Изюм льда были вырезаны Пушкин, который «наше всё!», и герои его сказок. Упитанная русалка, кокетничая, раскачивалась на толстых прозрачных ветвях. Старуха с разбитым корытом ругала опустившего голову старика за неумение жить. Царевна Лебедь сопровождала суровых богатырей, выходящих из кудрявых волн. И, конечно, здоровенный учёный кот, ходил по ледяной цепи. По дорожкам между фигурами белые лошади катали розовощёких весёлых детей. Из репродукторов звучал новогодний хит прошлых лет в исполнении «Аббы». Розовыми яблоками на заснеженных ветках берёз висели посвистывающие снегири. Пахло жареными пирожками с картошкой и капустой. Крутилась кастрюлька, из которой чудесным образом возникало розовое облако сладкой ваты...

В душной палате Алёна упорно отрицала пользу свежего воздуха. Соседкам по палате приходилось с этим мириться.

– Там новенькую спустили из реанимации, – сообщила мне во время прогулки по коридору Люда. – Москвичка. Вся из себя.

– Здравствуйте, – улыбнулась я новой соседке, заходя в палату. – А мы уже переживать начали. У медсестёр интересовались, почему вас к нам обратно не переводят. Наталья!

– Светлана, – взмахнув модными длиннющими ресницами, представилась в свою очередь новая знакомая.

– Как дела? – поинтересовалась я.

– Всё по плану, – с улыбкой откликнулась Света. – Долго не переводили, потому что операция сложная была. Сетку металлическую убрали. Год назад оперировали первый раз. Ну и поставили тогда. Для профилактики рецидивов. Хотели сохранить женские органы. Сказали: «Такие молодые и красивые должны размножаться!»

– Кто бы спорил! – подтвердила я.

– Не получилось сохранить. К сожаленью!

– А почему здесь оперируете? В Москве медицина не на должном уровне? – съехидничала я.

– Ну почему? На должном, – не обиделась женщина. – Так я же – местная. В Москве деньги зарабатываю на жизнь. Предпринимательством. Ещё подзаработаю и вернусь в Сибирь. Здесь

люди лучше. Хотя, ну если сын захочет остаться учиться, наверное, никуда не уеду.

– Сыну сколько?

– Шестнадцать.

– А моему – двадцать, – сказала я. – Учится, кстати, в Москве. В МГУ. И к москвичам относится очень даже лояльно. Так что, может, и ваш захочет остаться в Москве. Ещё детей хотели?

– Не знаю. Так, на всякий случай. Я – девушка в поиске. Брат в столицу переманил три года назад. «Здесь, – говорит, – перспективы, Светка! Отдадим тебя замуж. Такие, как ты, на дороге не валяются!» А тут эта онкология приключилась, будь она неладна! И главное, рецидив, так обидно! Волосы зря наращивала, столько денег отдала! Но, вообще, я настроена на победу! Может, на «ты» перейдём? – предложила она. – А то как-то я себя неловко чувствую.

– Перейдём! – согласилась я.

– Наташа, можно тебя попросить подать мне халат? Попробую встать.

– А можно?

– Нужно! – улыбнулась Света.

– Помочь?

– Сама! Тебе нельзя после операции. Забыла?

Света откинула одеяло. Её тело обмотано эластичными бинтами, как мумия египетского лежальца под стеклом в Эрмитаже. Света спрятала бинты под шёлковый халат. Стараясь не показывать, что ей больно, женщина встала и несколько минут стояла, держась за спинку кровати.

Алёна замерла в позе эмбриона в своей постели, глядя на столичную красавицу. На лице отражалась сложная гамма чувств: неприязнь, зависть, тоска. Алёна напоминала затравленного, загнанного в угол зверька.

Новенькая, к счастью, не заметила этого взгляда. Она была сосредоточена на том, чтобы не рухнуть, а по возможности аккуратно опуститься на кровать. Тяжело дыша, как после подъёма по лестнице, женщина вернулась в своё ложе.

– Четыре операции уже перенесла, – произнесла Света. – В прошлом году две и сейчас двойную.

– Наркоз каждый раз эндотрахеальный? – спросила я. – И каждый раз чувство, что снится кошмарный сон, когда очнёшься? Ни крикнуть, ни пошевелиться?

– Да... Действительно, похоже на кошмар. Но у меня паника была только после первой операции. Потом уже поняла, что это временно.

Главное, не сопротивляться. Ты верующая? Я «Отче наш» всегда читаю.

– И я – «Отче наш», – поддержала я.

За полночь, обливаясь слезами, я дочитывала «Великого Гэтсби». Было ужасно жаль главного героя, обманувшегося в своих мечтах и жизнью заплатившего за свои иллюзии. Я хотела было погасить ночник, как услышала, что кто-то ещё всхлипывает.

– Алёнушка, что ты? – подходя, обратилась я к женщине. – Болишь? Ты дрожишь! Холодно, морозит? Укрыть тебя Катиним одеялом?

– Не знаю... Нет...

Алёна смотрела на меня голубыми, не в меру большими глазами. Кожа обтягивала скулы. Вспомнилась фотография ребёнка с дистрофией третьей степени из учебника педиатрии.

– Я боюсь! – плача, созналась она. – Все повторяют: «Всё будет хорошо, всё будет хорошо!» А вдруг не будет?! У меня температура уже семь дней и расстройство стула. Ни есть, ни спать толком не могу. Посмотри на меня! На кого я стала похожа?! Так и растаю, как свечечка! И по сыну очень скучаю. Что с ним будет, если я умру?!

Женщина подавила рыдание.

– А Эльвира Эдуардовна что говорит? – спросила я.

– Вот и говорит: «Всё будет хорошо», – передразнила врача Алёна. – Говорит: «Операцию сделали идеально. Это последствия консервативного лечения». А ничего из назначенного не помогает!

– Завтра профессорский обход. Давай подождём до завтра! Спи, Алёнка, утро вечера мудреней! Раз по гинекологии всё как надо сделано, действительно, жизнь наладится! – успокаивала я её, укрывая вторым одеялом.

Я выключила свет. Плакать старалась тихо, чтобы не волновать бедную женщину. Вспомнились Борькины глаза за две недели до смерти. Тоска и обречённость... Я думала, как сладко оплакивать книжного персонажа! И как горько плакать по женщине на соседней кровати... «Нет! Не может быть! Завтра профессорский обход! Всё будет хорошо!» – уговорила я себя и стала молиться за Алёну.

Утро понедельника ознаменовалось звуками ирихонской трубы.

– Встаём, встаём, выходим в коридор! – трубно вопила мощная санитарка средних лет. –

Генеральная уборка! Первая, выметайтесь поскорей! Мне перед профессорским обходом все палаты прогенералить нужно! Господи, как вы здесь живёте? А духотища, а вонища!

– О-о-о-о! Шурка припёрлась, – недовольно, но тихо простонала в сторону Света. – Единственная халда в этом отделении.

– Александра Васильевна, – продолжила она, обращаясь к санитарке, – подождите окна открывать, я выйти не могу! Наташа, укроешь?

Алёна, не посмеывая и рта открыть, поплелась в коридор, кутаясь в толстую шерстяную кофту. Мы с Людой поспешили за ней. Запахло дезсредствами.

Часов в девять в нашу идеально чистую палату потянулись доктора разных специальностей. Инфекционист и терапевт – к Алёне, уролог – к Светлане, которая отвечала на звонок брата, уже (или ещё?) не спавшего ранним московским утром.

– Женя, извини, разговаривать не могу, – кетливо улыбаясь доктору, пропела она в телефон. – Ко мне здесь пришёл молодой симпатичный мужчина, лежу голая. В общем, сам понимаешь, ты не вовремя! Перезвоню. Да, и я тебя!

– Юмор – это замечательно! – не смутившись, сказал симпатичный доктор. – Как дела, Светлана Ивановна?

79

В десять часов наше скромное жилище посетили высокие гости. Возглавляла процессию сухопарая пожилая заведующая отделением, безупречно одетая и причёсанная. Царственной походкой она вошла в нашу палату. За ней ординарцем следовала медсестра Галина в накрахмаленном колпачке, держа наготове историю болезни и влажное полотенце. В качестве свиты выступали наши уважаемые доктора, студенты и ординаторы в белоснежных отутюженных одеждах. Мы благоговейно замерли в своих постелях, не смея приветствовать столь важную персону поклонами и книксенами. Профессор остановилась возле кровати Людмилы и слегка повернула гордо поднятую голову в сторону свиты.

– Больная Петрова, семидесятого года рождения, – алая щеками, бодро начала доклад Алла Геннадьевна. – Рак яичника справа первой стадии, оперирована... повторная операция... послеоперационный период... Готовится к выписке с рекомендациями для онкодиспансера по месту жительства.

Елизавета Андреевна удовлетворённо кивнула, поинтересовалась жалобами Петровой, осмотрела швы, пощупала живот, грациозным жестом вытерла руки о полотенце и перешла к следующей пациентке.

Наконец, очередь дошла до Алёны.

– Больная Парамонова, семьдесят восьмого года рождения, – доложила Эльвира Эдуардовна. – Рак шейки матки второй стадии, оперирована... послеоперационный период... жалобы на гипертермию, жидкий стул до десяти раз в сутки... анализы... лечение... положительная динамика отсутствует... консультирована терапевтом, инфекционистом...

Выслушав жалобы и осмотрев пациентку, профессор произнесла со значением:

– По вашему поводу, Алёна Романовна, сегодня состоится консилиум. Будем решать вопрос о переводе вас в терапевтическое или инфекционное отделение. В гинекологическом плане у вас всё удовлетворительно.

– Я никуда не поеду, – негромко раздражённо ответила Алёна. – Выписывайте меня домой! Буду лечиться в поликлинике.

– Алёна Романовна, – спокойно глядя в глаза бунтующей пациентке, чеканя слова, продолжала заведующая, – нам не хотелось бы, чтобы после прекрасно проведённой операции ваша история болезни закончилась печально. Из-за вашего недопонимания серьёзности ситуации. Позвольте вам помочь!

Алёнка, не смея продолжить спор, досадливо кусала губы.

– Елизавета Андреевна, – решила разрядить обстановку Светлана. – Могу я выразить благодарность Алле Геннадьевне, Галочке и вам лично? С наступающим Новым годом! Здоровья вам и благодарных пациентов!

– Да, Елизавета Андреевна, Эльвира Эдуардовна, счастья вам, Галчонок, с наступающим! Здоровья, любви близких! – наперебой стали поздравлять мы.

Строгое аристократичное лицо профессора расцвело. Улыбка залучилась морщинками у губ и глаз. Стало понятно, что величественная Елизавета Первая, как все её называли за глаза, не такая уж строгая. И почему-то захотелось увидеть её, облепленную внуками.

– Никуда не поеду! – Алёну захлестнул новый приступ злого упрямства, когда профессор с окружением покинули нашу палату. – Лечат, ле-

чат, а толку-то! Всё к концу близится! Я чувствую! А я Ванечке нужна.

– Алён, не глупи, а? – попыталась урезонить я соседку по палате. – Не всегда всё идёт, как задумано. Представь, тебя выпишут. Тебе самой придётся и за собой ухаживать, и за Ванечкой: и приготовить, и уборку сделать, и постирать. А ты сидеть-то устаёшь! Полечат тебя в другой больнице и выпишут. Это же не навсегда!

– Полечат они! Не верю я им! Я не хочу умирать в больнице! – рыдала несчастная женщина. – Я Ванюшке напоследок обнять хочу и маму!

– Алёна... – начала было я.

– А ты кто такая? – набросилась на меня она. – Всех жизни учишь! То Катю, то меня! Учительница, что ли?!

– Врач, – ответила я.

– Какой? Онколог? Гинеколог?!

– Нет.

– Вот и молчи! И не лезь со своими советами! Ты вообще как сюда попала? У тебя-то рака нет. Ты разве способна меня понять?! – крикнула женщина.

– Попала, как все, девочка моя, по направлению гинеколога. Я должна чувствовать себя виноватой, что у меня нет рака?! Мне легче всех. Конечно! Потому и помочь каждой из вас мне проще! Вы же сами ко мне с просьбами обращаетесь! – резко ответила я.

– Вот и помогай тому, кто просит! Я не просила! – снизила тон женщина.

Я замолчала. «И правда, чего я полезла? Да что я, мама ей?! Пусть с ней Эльвира Эдуардовна нянчится», – мысленно с досадой оценивала я перепалку, глядя в окно на падающий сухой снег. «Колючий, наверное», – подумала я.

Минут пять все молчали, слушая всхлипывания Алёны. Потом ко мне обратилась Светлана:

– Наташа, ты видела витраж в нашем отделении?

– Да. Все витражи на нашем этаже посмотрела. Замечательно, – ответила я.

– А историю создания их знаешь?

– Нет. Интересно!

– Понимаешь, – стала рассказывать Света, – я знакома с заказчиком этих витражей. Женькин друг. Валера, тоже в Москве сейчас живёт. Семь лет назад они с женой ещё здесь жили и Алина попала в это отделение. Диагноз был неутешительный – рак шейки матки третьей стадии. Знаешь, её сама Елизавета Андреевна оперировала. Возилась с ней, как с собственной дочкой.

Химиотерапия, рентгенотерапия, в общем, по полной программе лечение. И произошло чудо. Хотя, говорят, что их не бывает. Через три года Валера уже из Москвы прилетел к профессорше с благодарностью. Не знаю, как там у них разговор происходил, но Валера нанял местного художника, широко известного в узких кругах. И появились эти витражи. Алина жива по сей день. Не могу сказать, что здорова. Но жива. Вот я и поверила этим докторам. И лечиться буду только здесь!

Я краем глаза заметила, что Алёна лежала на спине, смотря сквозь потолок. В её светлом взгляде мне чудилось смирение. Хотелось верить, что она передумала умирать в ближайшее время.

Через два часа за мной приехала машина. Угостив медицинский персонал самыми что ни на есть новогодними фруктами – мандаринами, принесёнными моим мужем, я тепло распрощалась с медсестрами и врачами. Напоследок обнялась с новыми родственницами. Алёне пожала руку. Она улыбнулась. Перед тем как спуститься вниз, я ещё раз постояла возле уникального витража. Матка расцветала, благодаря добрым умелым рукам медиков и возродилась словно птица феникс. Ну что ж, как говорится в рекламе, пусть здоровые не болеют, а больные выздоравливают! Будьте, девчонки! Просто будьте!

ФЛАМЕНКО

Накануне концерта мы с подружкой Ольгой узнали, что наш общий знакомый уезжает в Испанию. Навсегда. Концерт был танцевальным спектаклем театра фламенко из Севильи. Бывают же такие совпадения?

«Перед вами выступают артисты, не просто владеющие древним танцем фламенко, но являющиеся носителями этого искусства, – возвестил хорошо поставленный баритон. – Многие поколения предков наших артистов танцевали фламенко».

Круги света выявили на сцене три сидящие, испанские, без сомнения, фигуры. Тревожно забили по струнам пальцы бородатого гитариста, завывающе запел другой бородач, слегка встряхивая длинными чёрными с проседью кудрями. «Этот стон у них песней зовётся», – подумала я. Длинноволосый продолжал убиваться по ком-то, его стоны перемежались с негромкими реплика-

ми толстой певицы. Страстный завораживающий голос будоражил, притягивал к себе, заставляя забыть о чём-либо вне сцены. Он затягивал к себе в черноту площадки для выступления не только внимание зрителей, но и носителей фламенко. Они нехотя выдвинулись из темноты втроём и картинно замерли. Но дробь гитары, дуэт голосов мужчины и женщины, ритм их ладоней не давали этим красавцам недвижно демонстрировать свою стать. И вот они, заводясь по очереди, стали перебирать ногами. Руки медленными движениями кобры поднимались и совершали резкий бросок вниз, потом, поняв обманчивость цели, опять ползли вверх... поворот с лёгким наклоном корпуса... Как божественно прекрасны эти молодые мужчины и женщина! Хотя божественно – это покорно... кротко... душевно... Здесь же была дерзость молодых горячих тел. Но всё же дух танца вёл их по определённой траектории. Странно было предположить заученность. Напротив, каждое движение подчинялось естеству плоти.

87
Андрей уезжает, а к нам Испания пришла сама и раскрывается в танце-знакомстве! Тр-р-рак – бабочка веера трепещет крыльями над голубым цветком банта в косе танцовщицы. С каким обожанием смотрит на неё партнёр! Ещё бы! Как изящен изгиб её стройного стана! А голубая бабочка, прервав полёт, сложила крылья. Её хозяйка, белозубо улыбаясь, манит взглядом молодого танцора. Веер переходит в руки партнёра и, тр-р-рак, раскрывшись в мужских руках, начинает порхать над черноволосыми головами пары. Свидание в апельсиновой роще, не иначе... Оранжевый цвет костюма очаровательной испанки, разлившийся по залу зной взглядов и цитрусовый запах!.. «Наверное, кто-то с галерки принёс с собой апельсин», – подумалось вскользя.

Перед следующим номером баритон пояснил, что в танце речь пойдёт об мужчине, сердце которого обожжено страстью. Толстая певица поправила блузку с открытым воротом, обнажив плечо. Немного позже вступления звонких переливов гитары и вокальных заклинаний толстухи по залу рассыпались мелкие горошинки звуков кастаньет. Упруго, стелющимся шагами прокрался на сцену танцор фламенко с заведёнными за спину руками. Как гремучая змея, наметившая жертву, вползла бы в дом, изящно раскачивая своё длинное стройное тело в серой шкурке и сопровождая своё появление звуками трещот-

ки на хвосте. О, несомненно, красавец знает, кто должен ответить за его страдания! И пепельный цвет костюма лишь прикрывает тлеющие пока, готовые вот-вот разгореться, угли страсти. На-растает ритм танца, звонче гитара, яростней за-вывания певцов, отрывистой звук кастаньет! Но-сок – пятка, носок – пятка, носок – пятка – дробь шагов, упругие вращения, взмахи рук... Внешняя сдержанность вот-вот готова прорваться гейзе-ром, бурлящим внутри! И вправду становится жарко... Движениями рук танцор похож на торе-адора, дразнящего красным плащом быка. Хочу увидеть корриду! Бой безумного храбреца со свирепым животным!

У испанцев не забалуешь! Короткий и точный удар стилета в сердце, такой же энергичный, как короткий взмах руки во фламенко, и – уходить не к кому! Испанская цыганка Кармен... Мериме знал, о чём писал.

Далее шёл танец счастливой женщины. Бе-лое платье, белая шаль с кистями, в центре ко-торой вышит красный цветок. Красавица напо-минала в танце белую птицу. Какую? Не лебе-душку... не голубку... нет, нет... эти пернатые слишком кротки, нежны... И вдруг я поняла: чай-ку! Конечно же! Белая птица с хищными стреми-тельно точными движениями! Крылья платка взлетают, идут вниз, чтобы вновь набрать высо-ту. Чайка уверена, что добыча не уйдёт от неё. Радость обладания любимым мужчиной слиш-ком велика, чтобы суметь сдержать её, скрыть от любопытных соседок, чей охотничий полёт над бирюзовым морем ещё не завершился удачей. Взмах ноги резкий, чёткий. Убрать длинный хвост платья и показать грацию хищницы одно-временно! И пение вокалистов тревожно, как крики чаек...

Фламенко – модное сейчас танцевальное направление в России. Но можно ли научить в танцевальном клубе этой точности движений, владению бешеным ритмом, задающимся гита-ристом-цыганом, и внутренней силе? Нееет, по-жалуй, нужно родиться в Севилье, в семье носи-телей фламенко, чтобы страстное тело само по-нимало, как должно выразить любовную тоску, горечь или, напротив, счастье взаимной любви.

После антракта нас ждал удивительный та-нец «Запах крови». Поразила дородная испанка, половину концерта просидевшая в тени коллег-танцоров. Она вышла к микрофону и заголосила пуще прежнего. Переживания были неподдель-ны. Певица со страстной мольбой протягивала

свою полную руку с растопыренными короткими пальцами к кому-то, затаившемуся в зрительном зале, жестом вытягивая его на авансцену. Она отчаянно пыталась предупредить об опасности, обращаясь к будущим свидетелям трагедии. По-няв, наконец, тщетность словесных призывов, испанская тетушка стала рассказывать о губи-тельности страсти с помощью танца.

Я поняла, почему билеты на выступления зрелых танцовщиц фламенко стоят в Испании гораздо дороже, чем на концерты молодых арти-сток. Несмотря на свою дородность, женщина резко перебирала ногами, чувственные руки вспоминали горячность любви. От резких встря-хиваний головой заколки с чёрных волос немо-лодой дамы разлетелись по сцене. Ей было всё равно. И зал тоже забыл рассыпавшиеся закол-ки, изъяны фигуры и отсутствие молодости у этой преобразившейся статной женщины, отча-янно молотящей ногами по сцене. Она была прекрасна и понятна замершим в восторге рус-ским зрителям. Бурей оваций и криками одобре-ния они отблагодарили артистку.

Но это была только прелюдия к выступлению молодёжного танцевального трио. Она была в красном, эта любительница опасной игры. А два сосуда с огнём, которыми она крутила, как в со-временном файер-шоу, были в чёрных атласных костюмах. Лукавая испанка наслаждалась вни-манием двух красавцев, борьбой их гжучих взглядов, скрещивающихся, как два клинка. В отчаянных движениях мужчин чувствовался за-пах крови. Но, кого девушка в итоге предпочла и чем там дело кончилось, было непонятно. Они вдруг втроем канули в темноту испанской ночи. «И сия пучина поглотила ея».

Однако ничего криминального не произо-шло. Это стало понятно, когда свет зажётся. Вы-яснилось, что танцовщица осталась с тем, кото-рый с обожжённым сердцем. Конечно, можно было предположить, что счастливый избранник под покровом ночи физически расправился с со-перником. Но в движениях обладателя вожде-ленной красавицы не было нервозности челове-ка, готовящегося к облавам на него, побегам и заключению под стражу. Угрызения совести тоже не были заметны. Впрочем, откуда мне знать, ка-кие чувства испытывает мачо, прикончив сопер-ника? Может, ему, как победившему вепрю, не присущи муки совести. Только радость облада-ния самкой. Да и тюрьмы у них там, в Европе, весьма комфортные. Сидишь себе, колу потяги-

82

ваешь, закусывая лобстером, по интернету с родными общаешься...

Впрочем, жизнь на сцене продолжалась. Танцор был похож на удачливого рыбака, поймавшего редкую вуалехвостую рыбку. Впрочем, она чувствовала себя вполне комфортно в бредне его рук, плыла то в одну, то в другую сторону, периодически взмахивая плавниками и длинным хвостом. А может, это сверкающая пятнистая обитательница моря заманила юношу, приглянувшегося ей во время вечерних прогулок к пляжу, и тянет в пучину вод? Как бы там ни было, отношения земля – вода были восхитительно гармоничными.

Счастливая пара уплыла за горизонт танцевальных фантазий, а на сцене появился отвергнутый партнёр. Он был живее всех живых в своей красной атласной рубашке: красив, страстен. Мужчина в поиске. Женская половина зала затаила дыхание, любуясь его ловкими движениями потенциального тореро. Это был заключительный номер испанского театра, стало быть, кульминационный момент. И носитель фламенко не разочаровал! Яростные крики вокалистов, стремительный бой гитары, звонкий ритм ладоней – как шум ливня... Атласный огонь нерастраченного желания полыхал вовсю! Любовная лихорадка просто колотила беднягу. Он встряхивал головой, меча крупные капли пота с чёрных волос. Неистовый танец, танец на грани человеческих возможностей, казалось, уьёт неумного красавца. Напряжение в зале было таким сильным, будто зрители наблюдали, как артист засовывает голову в пасть льва!.. И вдруг ливень звуков стих. Логично предположить, что мужчина должен в изнеможении рухнуть на пол, как бегун на финише. Но испанец лишь застыл, будто окаменел внезапно под взглядом Медузы горгоны. Или под взглядом отвергнувшей его мечты?..

Изумление зрителей продлилось недолгой паузой и разразилось бурей рукоплесканий. Вновь возникший ливень звуков оживил танцора, но крики «бис» были напрасны. Он, действительно, отдал все силы финальному выступлению.

Выход и заключительный поклон артистов театра фламенко под восторженные крики и овации публики... Цветы (розы, конечно)... Танец молодой танцовщицы на бис... Люди, это другой мир – Испания! Совершенно другой мир!

Братья и сёстры по созерцанию восхитительного спектакля, негромко переговариваясь, потекли ручейками в обе стороны. Я опустила в кресло. Как Андрей может ехать туда жить? Вот так запросто?! Боже, это же другая планета! Её нужно изучить вначале! Понять, подходит ли тебе климат, можешь ли ты дышать этим воздухом, любить инопланетянок?

Мы с подругой Ольгой вышли из филармонии. Навязчивые белые мухи липли к рукам, шубам и меховым шапкам, садились на разгорячённые щеки, губы, холодно напоминая, что жаркая Испания осталась за дверью концертного зала...

Ночью мне снилось, что мы с Ольгой сидим на берегу реки. На ярко-зелёной траве расстелено старенькое покрывало с крупными синими маками, на нём – два целлофановых мешочка с едой: яйца вкрутую, бутерброды с маслом и запотевшая трёхлитровая банка со смородиновым морсом. Очень близко парят вертолётники стрекоз с чёрными, будто из рентгеновской плёнки, пропеллерами. Одна из них приземлилась на высокую травинку, перестав работать блестящими крыльями. Тепло, спокойно и радостно.

По Томи нескончаемым потоком плывут рыжие апельсины. Солнечные блики отражаются в их мокрых боках. А наш знакомый Андрей на другом берегу руками вылавливает фрукты и складывает в большую корзину из ивовых прутьев, предлагая нам добраться до него и вкусить плоды.

Может, это был знак? Знак, что мы непременно побываем там, в Испании, и вновь окунёмся в атмосферу знойного танца? И, хотелось бы верить, что-то сумеем понять об удивительных испанских цыганах, их страстном искусстве и танцевальной жизни... Ола, Испания!

